

О.С. Пироженко

Об особенностях системы регионального управления Кореи в XIV—XV вв.: роль института уполномоченных чиновников на примере деятельности Хан Мёнхве из рода чхонджусских Ханов

Аннотация. В статье рассмотрен процесс становления и особенности системы должностей уполномоченных чиновников, назначавшихся на временной основе для решения широкого круга административных задач в провинциях из числа руководителей столичных ведомств. На основе законодательных актов и летописных документов периода династии Чосон (1392—1897) автор дал характеристику управленческих полномочий и функций, политической и социальной роли этой группы должностей*. Он приходит к выводу, что речь идет не об изолированных случаях конъюнктурного командирования пользовавшихся личным доверием монарха лиц, но о сформировавшемся в ходе систематического решения долгосрочных задач институте, который стал неотъемлемой частью бюрократической машины средневековой Кореи. В лице уполномоченных чиновников корейские ваны и их окружение получили один из ключевых инструментов централизации власти и укрепления контроля над провинциальным чиновничеством. Для предметной иллюстрации результатов исследования автор обращается к истории деятельности одного из наиболее влиятельных сановников Кореи XV в. Хан Мёнхве** (1415—1487).

Ключевые слова: государственное управление на традиционном Востоке, Корея XV в., династия Чосон, Хан Мёнхве, институт уполномоченных чиновников, бюрократия, чхечхальса, сунчхальса, точхечхальса, тосунчхальса, сунмуса, Седжо, Седжон, Сонджон.

Автор: Пироженко Олег Степанович, независимый исследователь, Сеул. ORCID: 0000-0002-8090-3407. E-mail: pirozhenkotm@gmail.com

Конфликт интересов. Автор(ы) заявляет(ют) об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Пироженко О.С. Об особенностях системы регионального управления Кореи в XIV—XV вв.: роль института уполномоченных чиновников на примере деятельности Хан Мёнхве из рода чхонджусских Ханов // Корееведение. 2022. № 1. С. 53—80. DOI: 10.48647/ICCA.2022.28.70.005.

* Династия Ли в период Чосон (прим. главного редактора).

** Редакционный совет принимает статьи с транскрипцией корейских имён на русский язык на усмотрение автора: по системе Концевича или, как они используются МИД РФ и СМИ (прим. гл. ред.).

O.S. Pirozhenko

Regional governance in 14th-15th century Korea: the role of king's provincial envoys seen through the case of Han Myeong-Hoe of Cheongju Han clan

Abstract. The paper examines the development and basic qualities of a system of dispatching high-level central government officials as envoys to provinces for carrying out a wide range of administrative tasks on a temporary basis. Building the research on the analysis of legislative acts and annalistic documents of the Joseon Dynasty (1392—1897), the author focuses on typifying powers, duties, and functions of the group of officials, as well as their role in the political and social system of the country. He concludes that rather than being a set of isolated cases of opportunistic assigning of the rulers' confidants, the practice, systematically utilized for the solution of substantial and far-reaching tasks, thus evolved into an institution that became an integral part of medieval Korea's bureaucratic machine. This institution of authorized envoys provided the Korean kings and their entourage with the key tools for centralization of power and, most notably strengthening control over provincial officials. As a detailed exemplification of the research, the author refers to the career story of Han Myeong-Hoe (1415—1487) — one of the most influential dignitaries of XV century Korea.

Keywords: government administration in the traditional East, 15th century Korea, Joseon Dynasty, Han Myeonghwe, institution of authorized officials, envoys of the king, bureaucracy, chechalsa, sunchalsa, dochechalsa, dosunchalsa, sunmusa, Sejo, Sejong, Seonjong.

Author: Oleg S. PIROZHENKO, Independent scientist. Seoul.
ORCID: 0000-0002-8090-3407. E-mail: pirozhenkotm@gmail.com

Conflict of interests. The author(s) declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Pirozhenko O.S. Regional governance in 14th-15th century Korea: the role of king's provincial envoys seen through the case of Han Myeong-Hoe of Cheongju Han clan. "Koreanology". 2022, 1: 53—80. (In Russian).
DOI: 10.48647/ICCA.2022.28.70.005.

Изучение управленческих институтов Кореи периода династии Чосон (1392—1897) и особенностей их функционирования на региональном уровне представляется значимым в контексте той определяющей роли, которую бюрократическая система играла в политическом и социально-экономическом развитии страны. При этом можно без преувеличения сказать, что группа должностей уполномоченных — эмиссаров корейских ванов в провинциях — принадлежит к тем элементам государственной системы традиционной Кореи, отражение которых в правовых документах значительно уступает их роли в практическом управлении страной и частоте упоминаний в летописях.

В целом система должностей корейского государства того периода, кодифицированная в законодательных актах, позднее объединенных в свод «Великое уложение по управлению государством» (кор. *Кёнгук тэджон*, 1464—1471 гг. издания), достаточно хорошо изучена в мировой и отечественной историографии¹. Роль основного инструмента регионального администрирования была отведена власти назначавшихся монархом губернаторов (кор. *кванчхальса*, 觀察使) провин-

ций. Вместе с тем в летописной, мемуарной и художественной литературе того периода регулярно встречаются упоминания о чиновниках высокого ранга, на временной основе командировавшихся в качестве прямых представителей вана в регионы для осуществления управленческих и контрольно-надзорных функций.

Содержащиеся в источниках сведения о деятельности таких назначенцев не оставляют сомнений в том, что они наделялись весьма широкими полномочиями в сферах военного, политического, социально-экономического администрирования и играли ключевую роль в принятии важнейших управленческих решений². Однако достаточно широкая номенклатура таких должностей не находит отражения в «Великом уложении», за исключением обобщённых упоминаний о «посланниках» вана, указаний на сохранение за ними жалования на период командировок, установлений по протокольной рассадке на мероприятиях с их участием в провинции и т. п. Весьма редко эта группа постов государственной службы упоминается как в общих, так и в специальных отечественных работах, имеющих отношение к политической или военной истории Кореи³.

Как представляется, предметный взгляд на эту тему способствовал бы решению ряда небезынтересных задач в отечественном корееведении. Историкам он позволил бы составить более полное представление о том, как была организована система распределения полномочий государственной власти в средневековой Корее. Для специалистов, работающих над переводом соответствующих источников, литературных или кинематографических работ, адресованных широкому кругу читателей или зрителей, он стал бы подспорьем в адекватной передаче специфики эпохи.

Наиболее полезным анализ деятельности уполномоченных чиновников будет в контексте изучения важных внутривосточных вызовов, которые стояли перед правящей элитой средневековой Кореи и были обусловлены необходимостью разрешения двух фундаментальных противоречий внутри правящего сословия страны.

Во-первых, это борьба с центробежными тенденциями, требовавшая обеспечения прямого подчинения столице вооружённых сил и гражданской администрации в провинциях и предотвращения сращивания местных землевладельческих кланов с присылаемыми из центра чиновниками.

Во-вторых, это конкуренция вокруг административных полномочий и соответствующих возможностей извлечения социальной и служебной ренты, которая разворачивалась внутри бюрократического аппарата. Узловой точкой этой борьбы было противоречие между тенденцией к концентрации властных рычагов в руках узких групп приближённых к трону сановников и интересами широких слоёв служилого сословия, заключавшимися в укреплении бюрократической системы, способной обеспечить более равномерное распределение должностей, определявшее карьерное и экономическое будущее большинства представителей правящего класса⁴.

Поскольку обострение упомянутых противоречий стало одним из главных факторов, обусловивших кризис государства Корё, в результате которого пришла к власти новая династия⁵, формат их разрешения стал одной из основных тем дискуссии относительно контуров будущей административной системы. Ряд наибо-

лее влиятельных деятелей, в том числе Чон Доджон (1342—1398), выступая за бюрократическую централизацию провинциального управления, в то же время стремились добиться ограничения возможностей приближенных к монарху семей и кланов [Chongko Choi. 2007, p. 73, 88—91]. Сообразно эпохе и политической культуре страны инструментом такого ограничения должна была стать формализованная система распределения должностей под защитой сословно-представительских институтов, призванных отстаивать общие интересы служилого сословия⁶.

Как известно, итогом противоборства стали гибель Чон Доджона и победа группировки Ли Банвона (ван Тхэджон, 1400—1418), выступавшей за прямое подчинение бюрократических институтов монарху. Но в ходе формирования и кодификации государственной системы в неё было заложено немало бюрократических механизмов обеспечения относительно широкого доступа правящего сословия к служебным полномочиям. Сложная, и в то же время достаточно непротиворечиво изложенная система назначений, карьерного роста и отчётности действительно до известной степени затрудняла монополизацию властных полномочий в руках какой-либо одной группировки [Мин Хёнгу. 2005, с. 188—189].

Эти же ограничения могли становиться препятствием для эффективных действий в условиях чрезвычайных ситуаций или оперативного решения крупных, требующих концентрации управленческих ресурсов задач. Не исчезли проблемы сращивания региональной бюрократии и крупных местных землевладельцев, ставившего под угрозу контроль центра над средствами производства и демографическими ресурсами по всей стране. Сохранялась и заинтересованность столицы в том, чтобы создать противовес власти губернаторов и командующих провинциальными армиями, исключить их чрезмерное усиление.

На этом фоне двор достаточно быстро задействовал традиционную для дальневосточной политической культуры практику введения временных должностей, на которые указом монарха назначались облечённые его личным доверием приближённые. В их компетенцию, помимо ревизорских функций, могло входить совмещение полномочий главы гражданской администрации и командующего вооружёнными силами региона в целях решения какой-либо масштабной задачи (отражение внешнего вторжения, подавление мятежа, строительство фортификационных, ирригационных и иных сооружений, перепись населения, ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий и т. п.).

Прежде, чем перейти к характеристике этого института на основе анализа данных источников (летописи *Чосон ванджо синок*, своды законов *Кёнгук тэджон* и *Тэджон соннок*), следует упомянуть о соображениях, которыми руководствовался автор статьи при выборе обобщающего термина «уполномоченные» для обозначения соответствующей системы должностей.

Первое. Номенклатура должностей была достаточно широка, а конкретная формулировка часто зависела от характера поставленных задач. Однако абсолютное большинство наименований объединяются входящим в их состав родовым иероглифом «са» (кит. «ши», 使), которым чаще всего обозначаются посланники, дипломатические представители, эмиссары высокого ранга (1—3-го). В ранних сводах законов династии Чосон, кстати, эта группа должностей обобщённо фиксировалась именно таким образом — с использованием одного иероглифа «са»⁷.

Во-вторых, такое наименование вытекает из характера обязанностей, с которыми направлялись чиновники указанной группы. Здесь мы увидим, что они действовали в качестве эмиссаров центра, обладали значительными правами, постепенно совмещая функции судебного, общегражданского и военного управления. При этом их полномочия чаще всего официально оформлялись личным письменным указанием корейских ванов.

Таким образом, предлагая для обобщённого обозначения упомянутой группы чиновников термин «уполномоченные», автор исходит из того, что одно из наиболее распространённых в отечественной науке словарных толкований соответствующего иероглифа весьма точно подтверждается и дополняется характеристикой ставившихся перед ними служебных задач⁸.

Развитие института уполномоченных как системы должностей, не включенных в кодифицированный штат региональных управленцев (кор. *вегванджик*, 外官職), берет начало во времена государства Корё (935—1392)⁹ и продолжается уже в первые годы правления новой династии. Так, в 1397 г. (6-й г. правления вана Тхэджо) ван назначил Чон Доджона старшим уполномоченным командующим по умиротворению (кор. *тосонмусунчхальса*, 都宣撫巡察使). Известный политический деятель должен был курировать работу по строительству приграничных укреплений и наведению порядка в административной организации на северо-западе страны, отвечая даже за присвоение территориальным единицам официальных наименований [*Тхэджо силлок*, 07.02.03]¹⁰.

Судя по динамике развития этой тенденции, опыт был признан успешным и отвечающим интересам династии и её ближайшего окружения. В правление вана Тхэджона (1400—1418) уполномоченные в министерском ранге¹¹ направлялись в провинцию не менее 11 раз¹².

В правление следующего вана, Седжона Великого (1418—1450), командировки уполномоченных продолжились, но интересна эволюция отношения к этой практике. Вначале ван, будучи сторонником укрепления неоконфуцианских норм в управлении государством [Мин Хёнгу. 2005, с. 192—193], судя по всему, добивался стабилизации системы регионального администрирования, основанной на делегировании губернаторам прав верховных представителей монархии в провинциях, как это и было предусмотрено порядком, установленным при основании династии¹³. Издаются указы, в которых губернаторам предписывалось лично посещать самые труднодоступные места, чтобы «знать, как живет народ, и заботиться об облегчении участи вдов, сирот и бездетных стариков» [*Седжон силлок*, 01.02.12]. Одновременно, будто бы стараясь повысить статус губернаторской власти, Седжон принимает меры по дальнейшему расширению прав и полномочий глав провинций¹⁴.

Однако в дальнейшем по данным источников отслеживается возвращение Седжона к практике командирования уполномоченных. В 1428 г. (10-й г. правления) в летописи появляется сообщение о назначении уполномоченного заместителя (кор. *чхечхальса*, 體察使). С этого момента и до конца царствования назначения из числа пользующихся личным доверием вана лиц продолжают, всего состоялось не менее 49 таких командировок. Уполномоченным выдаются предписания, касающиеся широкого круга задач, выполнение которых теоретически

должно было входить в прямые обязанности губернаторов или командующих армиями провинций: строительство укреплений, проверка государственных кладовых и складов военного снаряжения, ликвидация последствий неурожаев и стихийных бедствий, проверка работы местных чиновников и т. п. Результаты командировки докладываются вану лично и являются основанием для принятия ключевых решений региональной политики.

Концентрация управленческих прерогатив в руках узкого круга приближённых вана не осталась без внимания более широких слоёв бюрократии. Манифестацию вызванного этим беспокойства, оформленную соответствующим времени и политической системе образом, мы можем наблюдать в обращениях, поступающих из системы Трёх канцелярий. В связи с деятельностью влиятельного сановника Чхве Юндока (1376—1445), неоднократно назначенного старшим уполномоченным по умиротворению (кор. *тосунмуса*, 都巡撫使) для организации строительства крепостей в прибрежных районах, монарху поступило обращение за подписью одного из инспекторов Управления надзора за соблюдением законов Чхве Мунсона.

Тексты обращения и ответа вана, зафиксированные в летописях, заслуживают того, чтобы их процитировать:

Инспектор Чхве Мунсон докладывает: «Стало известно, что *пханбуса* Чхве Юндок отправлен в провинцию Чхунчхон для ревизии укреплений. Ваш покорный слуга полагает, что это недопустимо. Подданные упомянутой провинции в текущем году испытывали лишения в связи с измерением полей, а также были изнурены работами по приему посланцев Государя. Силы народа истощены. Почтовые тракты пришли в беспорядок. К этому добавился неурожай, вызванный стихийными бедствиями. Цены на рис подскочили. Если и есть крепости, строительство которых должно быть произведено незамедлительно, то все изыскания в тех местах уже были закончены, губернатор и командующий армией в этой провинции уже обсудили дело, и потому отправка туда чиновника высокого ранга представляется нецелесообразной».

Чхве Мунсон прямо ссылается на обсуждение упомянутых в письме вопросов губернатором и командующим провинциальными войсками — носителями соответствующих полномочий согласно регламенту провинциальных гражданских и военных должностей. Но Седжон отвечает: «Ты не первый, от кого слышу жалобы на поездки Юндока. Известно, что если хочешь сделать большое дело, то нельзя следовать каждому из советов. Строительство крепостей поручено Юндоку, и решения будем принимать сообразно тому, что он докладывает. Юндок и сам не пребывает в неведении относительно трудностей, которые испытывает народ, и стоит ли останавливаться перед мелким злом, когда стремишься добиться великих свершений?» [*Седжон силлок*, 12.09.11].

Практика командирования уполномоченных была продолжена и в правление следующих ванов Мунджона (1450—1452) и Танджона (1452—1455). Наиболее часто был задействован влиятельный сановник Чон Бун. Его пятикратно направляли для руководства строительством крепостей в южные провинции [*Мунджон силлок*, год восшествия на престол 09.19], дважды он посещал с аналогичными функциями северную провинцию Хванхэ. Назначения вновь встретили оппози-

цию со стороны Управления надзора за соблюдением законов, мотивированную желанием сократить государственные расходы. Обращение, как и при Седжоне, было отклонено с аналогичной формулировкой о неизбежном «мелком зле» [Мунджон силлок, год восшествия на престол. 10.01].

На этом этапе, основываясь на частоте командировок уполномоченных и круге возложенных на них обязанностей, имеет смысл говорить об эволюции практики изолированных командировок в институт прямого управления регионами, которое осуществлялось параллельно работе губернаторов и командующих провинциальными войсками. Особенностью было то, что, в отличие от губернаторов, набор полномочий и продолжительность командировок для представителей этой группы должностей законодательно регламентированы не были. Институт функционировал «по обычаю», но в практике его применения можно отметить несколько характерных черт.

Наименование должностей могло зависеть от ранга направляемого чиновника и характера поставленных перед ним задач. Их полное перечисление не входит в задачи настоящей статьи, ниже (табл. 1) будут отмечены те, которые упоминаются в её рамках.

Таблица 1

Ранг	Наименование должности
1-й ранг основного класса	Старший уполномоченный наместник (кор. <i>точхечхальса</i> , 都骨豊察使)
1-й ранг сопровождающего класса	Уполномоченный наместник (кор. <i>чхечхальса</i> , 骨豊察使)
2-й ранг основного класса	Старший уполномоченный командующий (кор. <i>тосунчхальса</i> , 都巡察使)
2-й ранг основного класса	Старший уполномоченный по умиротворению (кор. <i>тосунмуса</i> , 都巡撫使)
2-й ранг основного класса	Старший уполномоченный командующий по помощи нуждающимся (кор. <i>тосунмучинхюльса</i> , 道都巡問賑恤使)
2-й ранг сопровождающего класса	Уполномоченный командующий (кор. <i>сунчхальса</i> , 巡察使)
3-й ранг основного класса	Уполномоченный по умиротворению окраин (кор. <i>сонвиса</i> , 宣慰使)

Все эти должности объединяют следующие особенности:

- 1) временный характер;
- 2) отсутствие в официальной номенклатуре столичных и провинциальных должностей, кодифицированных в сводах законов по состоянию на момент соответствующих назначений;
- 3) высокий ранг назначаемых уполномоченными чиновников;
- 4) совмещение с должностями в центральном аппарате (чаще всего министерского уровня).

Чиновники снабжаются командировочными заданиями (кор. *понхэн самок*, 奉行事目) с указанием конкретных задач и сфер ответственности [Тхэджон силлок, 13.08.12]. Наиболее часто в эти документы включались следующие предписания:

- строительство фортификационных и ирригационных сооружений;

- проведение военно-переселенческой политики;
- подавление мятежей, организация обороны от внешних вторжений;
- контроль сбора налогов, предотвращение «чрезмерного обложения» и т. п.;
- проверка эффективности использования сельскохозяйственных земель и их учёта;
- выяснение обстоятельств и ликвидация последствий неурожаев, обеспечение наполнения государственных зернохранилищ;
- выявление количества уклоняющихся от службы военнообязанных, количества рабов, приписанных к каждой управе, но не находящихся при ней;
- инвентаризация государственной недвижимости;
- проверка боеготовности гарнизонов и состояния военного снаряжения и т. п.

Расследование злоупотреблений уездных начальников (по итогам проверок о злоупотреблениях чиновников, ранг которых совпадал или был выше ранга уполномоченного, докладывалось монарху, в отношении чиновников более низкого ранга — принимались меры взыскания на месте).

Уполномоченные снабжались аппаратом помощников, секретарей, служащих обеспечения и снабжения, охраной. Количество и состав свиты зависели от характера командировки и ранга назначенца. Достаточно стандартным в случаях, когда в провинцию направлялся чиновник 1-го ранга (например, старший уполномоченный наместник), было сопровождение из заместителя уполномоченного (кор. *чхечхальнуса*, 體察副使, 2-й ранг сопровождающего класса), 2—3 помощников уполномоченного (кор. *чонсагван*, 從事官, 4—6 ранги) и 20—40 военных и гражданских чиновников более низких рангов, в том числе переводчиков, в случаях, когда действовать предполагалось в приграничных областях, где могли иметь место соответствующие контакты¹⁵. Если перед уполномоченными ставились боевые задачи, их сопровождали заместители из числа профессиональных военных и более внушительные отряды охраны. Важную роль играли помощники уполномоченных, выполнявшие адъютантские функции, в том числе прямого доклада в центр. Для назначения на эти должности требовались навыки эффективной коммуникации, письменного и устного доклада, знание конфуцианского канона и делопроизводства.

Еще более широко институт уполномоченных оказался востребован в правление вана Седжо (1455—1468). В эти годы он начинает играть роль основного инструмента проекции государственной власти в регионах, способствуя дальнейшему смещению права принятия решений и извлечения аппаратной ренты в пользу ближайшего окружения вана.

Немаловажными представляются конкретные обстоятельства внутривнутриполитической жизни страны, на фоне которых эти тенденции получила ускорение. Седжо пришел к власти в 1453 г. в результате переворота, вылившегося в несколько кровавых чисток, в ходе которых группировке его приближенных удалось устранить выдвинувшихся при Седжоне и Мунджоне влиятельных сановников Ким Джонсо, Хван Боина, Чон Буна¹⁶.

После этого Седжо столкнулся с длительным сопротивлением со стороны широких слоев корейского служилого сословия как в центре, так и в провинции.

Ряд попыток оказать вооруженное сопротивление были подавлены, но глухая оппозиция годами выливалась в систематический саботаж указаний центра и сбора налогов и податей, являвшихся главным источником доходов казны¹⁷. Седжо пошёл на расширение использования института уполномоченных, которое было оформлено частично как действия по усилению мер контроля соблюдения законов о «подворных списках» и «именных дощечках», частично — как мероприятия по активизации военно-переселенческих проектов. За 14 лет правления вана таких командировок состоялось не менее 58. Фактически они стали одним из инструментов бюрократического оформления сложившегося во властных структурах нового статус-кво: управление оказалось сосредоточенным в руках нескольких приближённых к монарху кланов [Чхве Сынхи. 2002, с. 309—311], полная лояльность которых вану Седжо была гарантирована карьерным взлётом в результате переворота.

Одним из наиболее влиятельных представителей этой группировки был Хан Мёнхве из рода чхонджвских Ханов (1415—1487) — яркий и противоречивый персонаж корейской истории. Родившись в знатной семье (его дед Хан Санджилль возглавлял делегацию государства Чосон, получившую в Китае инвеституру для новой династии в 1392 г.), он рано потерял родителей и рос в стеснённых материальных условиях. Провалившись на государственных экзаменах на чин, он лишь в 37 лет смог получить незначительную должность на основании системы выдвижения за заслуги предков (кор. *ымбо*, 蔭補). В это время состоялось его знакомство с принцем Суянтэгуном, будущим ваном Седжо, оценившим быстрый ум, ладнокровие, склонность к авантюризму и политической интриге, которыми отличался Хан Мёнхве. Потомок известного дипломата вошёл в ближний круг принца и сыграл ключевую роль в организации захвата власти [Чон Духи. 1983, с. 137—141]. В дальнейшем руководил подавлением сопротивления противников нового вана, возглавляя орган государственной безопасности и политического сыска — Ведомство справедливости и тайных дел (кор. *Ыйгымбу*, 義禁府). Позднее был председателем Палаты чинов и Военной палаты, министром левой руки Государственного совета, дослужился до должности первого министра [*Седжо силлок*, 12.10.19]. Он часто направлялся в регионы в качестве уполномоченного наместника, заслужив высокую оценку монарха за организацию оборонных мероприятий и деятельность по подавлению внутренних мятежей в северных областях страны [*Седжо силлок*, 10.08.15]. Сохранив влияние и при последующих ванах, сыне Седжо Еджоне (1468—1469) и внуке — Сонджоне (1469—1494), за которых Хан Мёнхве сумел выдать своих дочерей (обе умерли в молодом возрасте), он был отстранен от власти лишь в 1485 г. в возрасте 70 лет.

Этому сановнику, с точки зрения исторической драматургии соединявшему в себе черты «светлейшего» А.Д. Меньшикова, князь-«кесаря» Ф.Ю. Ромодановского и Шико, посвящено немало произведений южнокорейской исторической и художественной литературы, по мотивам его жизненного пути снят одноименный исторический сериал¹⁸. Но в интересующем нас контексте деятельность Хан Мёнхве важна как пример использования института уполномоченных для прямого контроля над политической и общественно-экономической жизнью страны, дублировавшего, а часто и заменявшего официальные региональные власти.

Ниже приведен список командировок Хан Мёнхве (табл. 2) в период правления вана Седжо, относительно которых автору удалось найти в летописи конкретные упоминания.

Таблица 2

Период поездки	Должность в центральном аппарате	Должность уполномоченного	Провинция	Содержание командировочного предписания
02.08.14 ¹⁹ — 03.05.26 ²⁰	Заместитель заведующего Государственной канцелярией (кор, <i>чвасынджи</i> , 左承旨, 3-й ранг основного класса)	Уполномоченный по умиротворению окраин	Пхёнан, Хванхэ	Оценка социально-экономической ситуации, борьба с налоговыми и иными злоупотреблениями
04.02/2.19 ²¹ — 04.06.19 ²²	Председатель Палаты чинов (2-й ранг основного класса)	Старший уполномоченный командующий по помощи нуждающимся	Кёнсан, Чолла, Чхунчон	Оказание помощи нуждающимся, организация сельскохозяйственных и ирригационных работ, поощрение земледелия и скотоводства
05.01.03 ²³ —(?)	Председатель Военной палаты	Старший уполномоченный командующий	Кёнги	Организация строительства ирригационных сооружений
05.11.07 ²⁴ — 05.11.30 ²⁵	Председатель Военной палаты	Старший уполномоченный наместник	Пхёнан, Хванхэ	Ревизия складов военного снаряжения, вернулся, прервав командировку по болезни жены
06.02.02 ²⁶ —(?)	Председатель Военной палаты	Старший уполномоченный наместник	Пхёнан, Хванхэ	Оценка социально-экономической ситуации, ревизия работы провинциальных властей
06.08.14 ²⁷ — 06.12.07 ²⁸	Председатель Военной палаты	Старший уполномоченный наместник	Пхёнан, Хванхэ	Организация обороны северных провинций
07.06.10 ²⁹ — 07.11.27 ³⁰	Председатель Военной палаты	Старший уполномоченный наместник	Канвон, Пхёнан, Хамгиль, Хванхэ	Организация обороны северных провинций
08.01.16 ³¹ — 08.04.16 ³²		Старший уполномоченный наместник	Канвон, Пхёнан, Хамгиль, Хванхэ	Организация обороны северных провинций, проверка деятельности местных гражданских и военных властей, стабилизация социально-экономической ситуации
08.07.09 ³³ — 09.03.05 ³⁴	Министр правой руки Госсовета	Старший уполномоченный наместник	Канвон, Пхёнан, Хамгиль, Хванхэ	Организация обороны северных провинций, проверка деятельности местных гражданских и военных властей, стабилизация социально-экономической ситуации

Период поездки	Должность в центральном аппарате	Должность уполномоченного	Провинция	Содержание командировочного предписания
09.07/2.28 ³⁵ — 10.06.24 ³⁶	Министр правой руки Госсовета	Старший уполномоченный наместник	Канвон, Пхёнан, Хамгиль, Хванхэ	Организация обороны северных провинций, проверка деятельности местных гражданских и военных властей, стабилизация социально-экономической ситуации
10.08.17 ³⁷ — 10.10.11 ³⁸		Старший уполномоченный наместник	Канвон, Пхёнан, Хамгиль, Хванхэ	Организация обороны северных провинций, проверка деятельности местных гражданских и военных властей, стабилизация социально-экономической ситуации
11.05(?) ³⁹ —(?)	Председатель Военной палаты	Старший уполномоченный наместник	Кёнги	Организация строительства укреплений
11.09.(?) ⁴⁰ —(?)	Председатель Военной палаты	Старший уполномоченный наместника	Чхунчхон	Организация строительства укреплений
11.12.12 ⁴¹ —(?)		Старший уполномоченный наместник	Канвон, Пхёнан, Хамгиль, Хванхэ	Проверка работы местных чиновников, организация размещения переселенцев

Анализ командировочных заданий и сопутствующей переписки позволяет сделать вывод о том, что чиновник направляется с двумя ключевыми предписаниями: надзор за уездными начальниками и, по мере развития его деятельности, осуществление прямого управления, в том числе с переподчинением губернаторов и командующих вооруженными силами провинций.

Первое прямое упоминание о таком порядке датируется 1460 г. (6-й г. правления Седжо): командующим армиями северных провинций сообщается, что Хан Мёнхве будет управлять военными делами региона и они должны «повиноваться его распоряжениям» [*Седжо силлок*, 06.02.09]. Завершив командировку, в том же году он вновь был направлен старшим уполномоченным наместником в провинции Хванхэ и Пхёнан: губернаторам и командующим армиями также поступает прямое указание «повиноваться распоряжениям Хан Мёнхве» [*Седжо силлок*, 06.08.13].

Значительное количество поездок связано с военно-переселенческой политикой. В этих случаях уполномоченный направляется с объединённым заданием по четырём северным провинциям. Возможно, этого требовали и интересы эффективной организации размещения мобилизованных мигрантов, посылаемых с юга (где, кстати, работу по их набору также вели уполномоченные из числа приближённых Седжо).

В командировках Хан Мёнхве обеспечивался значительным вспомогательным аппаратом. Даже для краткосрочных поездок задействовалось не менее 20 верховых лошадей [*Сонджон силлок*, 03.08.09], таким образом, в его сопровождении было от 10 до 20 всадников. В 6-м г. правления вана Седжо, когда Хан Мёнхве был назначен старшим уполномоченным заместителем провинций Хванхэ и Пхёнан, в его сопровождение командированы уже три офицера личной охраны, два помощника, 34 военных чиновника, итого около 40 ранжированных должностных лиц [*Седжо силлок*, 06.08.13], не считая прислуги.

Примечательно, что даже в напряжённой внутриполитической обстановке Управление надзора за соблюдением законов не молчит по этому поводу: в 4-м г. имела место петиция против направления Хан Мёнхве в качестве уполномоченного командующего по помощи нуждающимся в южные районы. Обращение мотивировано тем, что в провинции имеется губернатор, что со схожими целями туда уже был отправлен ревизор, и, следовательно, дублирующая командировка создаст тяжёлое бремя для уездов в связи с сопутствующими расходами.

От стенографиста не укрылась, и в дальнейшем чиновники-историографы не сочли целесообразным отредактировать при внесении в летопись, резкость формулировки, с которой монарх отверг попытку скорректировать высочайшее решение: «Он направляется не только для оказания помощи нуждающимся, но и с другими предписаниями, о каких вам знать не полагается» [*Седжо силлок*, 04.02 високосный.19]. В дальнейшем возражения поступали всё реже. По-видимому, в правящих кругах сформировалось понимание того, что эта форма управления является ключевой для режима Седжо и попытки выступить против неё, как и прочих не укладывающихся в представления о неоконфуцианских идеалах управления действий, в самом благоприятном случае будут просто бесперспективны [Чхве Сынхи. 2002, с. 322].

Представляется целесообразным подробнее рассмотреть командировочные задания, выдававшиеся Хан Мёнхве, тем более что аналогичные предписания получали и другие приближённые Седжо, назначаемые уполномоченными. Вот положения, вошедшие в приказ направиться в северные провинции в качестве старшего уполномоченного заместителя в 1460 г. [*Седжо силлок*, 06.02.02]:

- выявлять злоупотребления и притеснение народа со стороны уездных начальников, выслушивать мнения подданных о жизни в стране;
- выяснять обстоятельства там, где люди содержатся в тюрьмах без разбирательства;
- проверять сбор и расселение бродяг;
- выявлять и устанавливать причины, по которым станции и дороги заброшены или приходят в упадок;
- выяснить, хорошо ли организуют помощь нуждающимся губернаторы и уездные начальники;
- проверять условия хранения военного снаряжения.

Еще одно командировочное задание, выданное в 1465 г. (11-й г. правления вана Седжо), содержит следующие предписания [*Седжо силлок*, 11.12.12]:

- собрать, обеспечить всем необходимым и успокоить население;
- обеспечить руководство обороной;

- задействовать полномочия поощрения и взыскания в отношении всех местных начальников, в том числе губернаторов и командующих армиями.

И, в заключение, самое важное: «По вопросам всенедельного управления действовать по своему усмотрению и докладывать по итогам принятых мер».

В отношении губернаторов на Хан Мёнхве чаще всего возлагаются задачи надзора, но для нижестоящих его функции фактически дублируют губернаторские, вплоть до прерогатив судебной власти. В итоге, курируя северные провинции, Хан Мёнхве сосредоточил в своих руках управление всеми военными и гражданскими делами этого региона [*Седжо силлок*, 10.08.15], представлявшего собой треть территории страны.

Характерным примером формирования альтернативной вертикали контроля на местах может служить командировка Хан Мёнхве в качестве старшего уполномоченного наместника четырех северных провинций (Канвон, Пхённан, Хамгиль и Хванхэ) в 1462 г. (8-й г. правления Седжо), относительно которой в летописи сохранились достаточно подробные сведения.

Назначение состоялось в 16-й день первого месяца. В командировочное задание включено руководство военными приготовлениями и мероприятиями по возмещению хозяйственных убытков, вызванных расходами на размещение переселенцев и походы против кочевников. Местным властям в провинциях (губернатор провинций Хванхэ — Ким Гильтхон, Пхённан — Ким Джиль, командующий армией провинции Пхённан — Ли Дыкхэ) выслана директива «перейти в подчинение» к Хан Мёнхве [*Седжо силлок*, 08.01.16].

Через 10 дней после отбытия в командировку (26-й день 1-го месяца) помощник уполномоченного Ли Гыккюн доставляет вану срочную депешу с докладом о манёврах и перемещениях кочевников (и переходе части из них на корейскую сторону). Ван «сделал копию» доклада и отправил Хан Мёнхве (находился в провинции Пхённан) указание держать вопрос на контроле [*Седжо силлок*, 08.01.26].

В 13-й день 2-го месяца от губернатора провинции Хамгиль Кан Хёмуна и командующего войсками провинции (кор. *тоджольчеса*, 都節制使) Кан Суна на высочайшее имя поступают синхронные донесения, в которых сообщается об опасной ситуации и нападениях кочевников в приграничных районах. Ван пересылает доклад Хан Мёнхве с указанием принять соответствующие меры [*Седжо силлок*, 08.02.13]. В тот же день от Подворной палаты поступает доклад с проектом мер, которые следует принять губернаторам на северных рубежах для размещения переселенцев. Проект основан на докладе Хан Мёнхве и одобрен ваном [*Седжо силлок*, 08.02.13].

В 19-й день 2-го месяца Хан Мёнхве отправляет помощника Ким Сунёна к вану с докладом о предложении разрешить освоение приграничных земель жителями расположенного в провинции Пхённан округа Ыйджу [*Седжо силлок*, 08.02.19]. В 26-й день Ким Сунён возвращается с ответом вана: инициатива согласована, даётся дополнительное распоряжение обеспечить бесперебойное сообщение с поселенцами, строительство укреплений и размещение гарнизона для их защиты [*Седжо силлок*, 08.02.26].

Через два дня после выезда помощника уполномоченного, в 28-й день 2-го месяца, в адрес Хан Мёнхве направлено указание действовать с осмотрительностью и избегать вооруженных столкновений с варварами до тех пор, пока не будут накоплены достаточные материальные и военные ресурсы [*Седжо силлок*, 08.02.28]. В тот же день, вновь напрямую в адрес монарха, поступает депеша от губернатора провинции Хамгиль Кан Хёмуна, основанная на докладе командующего гарнизоном Хверёна Сон Хёна. В ней содержатся сведения о планах кочевников, которые, судя по документу, готовят новые набеги на приграничные области. Этот документ Седжо расписывает Хан Мёнхве с предписаниями относительно того, какие следует принять меры [*Седжо силлок*, 08.01.28].

Остается предположить, что позднее по получении этих указаний находящийся в то время в провинции Пхёнан уполномоченный либо передал их губернатору соседней провинции Хамгиль, либо «через голову» Кан Хёмуна распорядился относительно действий, которые должны были предпринять командующие среднего звена.

Ситуация повторилась в ещё более однозначном ключе через полтора месяца. В 12-й день 4-го месяца Кан Хёмун на основании донесения командующего гарнизоном Чонсона Син Хынджи докладывает на Высочайшее имя о перемещениях варваров и подготовке ими масштабного набега. Седжо «незамедлительно» расписывает вопрос Хан Мёнхве: «Направляю копию донесения губернатора провинции Хамгиль Кан Хёмуна, приказываю разобраться и принять меры предосторожности с учетом всей серьёзности обстоятельств» [*Седжо силлок*, 08.04.12].

Ситуация выглядит ещё более примечательной, если учесть, что, согласно данным летописи, через четыре дня (16-й день 4-го месяца) Хан Мёнхве вернулся из провинции Пхёнан и явился на доклад к Седжо [*Седжо силлок*, 08.04.16]. Следовательно, когда ему пересылали губернаторские донесения, он был от беспокойного региона гораздо дальше, чем от столицы. С учетом того, насколько часто центр и аппарат уполномоченного обменивались письмами, представляется маловероятным, чтобы при дворе не знали о скором возвращении Хан Мёнхве. Тем не менее ван вновь перепоручает ему доклад губернатора, в очередной раз демонстрируя, что все важные вопросы Северной Кореи будут решаться через уполномоченного. Не имея на руках переписки между Хан Мёнхве и Кан Хёмуном, мы не можем делать предположений относительно того, насколько им удалось справиться в ходе частых поездок уполномоченного в приграничье. Но доступные документы оставляют мало сомнений относительно того, что губернатор, формально придерживаясь установленного порядка, которым главам провинций предписывалось докладывать «на Высочайшее имя», пассивным путем пытается защитить свои полномочия и продолжает писать вану с упорством, возможно, достойным лучшего применения⁴².

В целом рассмотренные эпизоды позволяют сделать некоторые обобщения относительно того, как функционировал институт уполномоченных в рассматриваемое время. При официальном порядке, согласно которому решения по важным вопросам государственного управления принимались ваном на основании докладов и предложений, подготовленных Шестью палатами в столице либо гу-

бернаторами и командующими армиями в провинциях, карт-бланш на определение политики получают уполномоченные. Они докладывают монарху напрямую через донесения, доставляемые помощниками, и получают уточняющие поручения. Документы, поступающие от уполномоченных, спускаются в отраслевые палаты по служебной принадлежности для рассмотрения и выработки предложений, которые затем утверждаются монархом и передаются уполномоченным напрямую или через помощников. Тем же порядком перенаправляются копии докладов местных властей. По возвращении из командировок существовала практика личного доклада уполномоченных вану, однако в основном связь, судя по данным источников, поддерживалась через помощников⁴³.

После смерти вана Седжо на трон вошёл его сын ван Еджон (1468—1469), который умер через год, ему наследовал несовершеннолетний внук Седжо — Сонджон (1469—1494). Регентшей при нём была объявлена его бабка, вдовствующая королева Чонхи (1418—1483), супруга Седжо [Симбирцева. 2012, с. 387]. Группировка ближайших сподвижников покойного вана, одну из первых ролей в которой играл Хан Мёнхве, сохраняла аппаратный вес и доступ к назначениям на ключевые в распределении материальных ресурсов и полномочий посты. Так, в командировочном задании, полученном Хан Мёнхве при назначении уполномоченным по помощи нуждающимся в 1472 г. (3-й г. правления Сонджона), ему предписано принять меры для ликвидации последствий неурожая в провинции Кёнги, наградить уездных начальников там, где помощь оказана эффективно; наказать нерадивых чиновников [Сонджон *силлок*, 03.07.29]. К 1480 г. (11-м г. правления Сонджона) относится принятие решения о командировании Хан Мёнхве в три южные провинции в качестве уполномоченного по дамбам и запрудам. В этом случае против выступила Канцелярия официальных предостережений, отмечая, что чиновника столь высокого ранга не следует отправлять с подобным заданием, и предлагая взамен послать помощника уполномоченного, чтобы «ослабить бремя, которое будет возложено на подданных». Предложение было отклонено [Сонджон *силлок*, 11.08.11].

Влияние Хан Мёнхве было столь велико, что он не только не позволил отстранить себя от работы над крупнейшим проектом масштабного строительства ирригационных сооружений, начатого в южных провинциях, но и пролоббировал создание специального ведомства, ответственного за его реализацию. Согласно Великому уложению, эти работы также должны были находиться в ведении местных властей в рамках рутинной деятельности по поддержке земледелия⁴⁴. Но в 1470 г., в первый год правления малолетнего Сонджона, Хан Мёнхве предлагает ввести должность руководителя (кор. *чеджо*, 提調) Управления дамб и насыпей (кор. *Чеонса*, 堤堰司), упоминания о котором до того момента отсутствуют. Тогда это предложение не было принято [Сонджон *силлок*, 01.04.10], однако позднее, уже в записях за 1483 г., встречаем упоминания о том, что Хан Мёнхве был руководителем одноименного временного органа [Сонджон *силлок*, 14.01.12]. С учётом того, что в 1480 г. встречается упоминание о должности уполномоченного по дамбам и насыпям [Сонджон *силлок*, 11.08.11], логично предположить, что в итоге сановнику удалось «продать» свою инициативу и на одном из этапов возглавить её реализацию.

Сюжет с созданием Управления дамб и насыпей интересен тем, что им ознаменовался новый этап в эволюции бюрократической системы средневековой Кореи. На рубеже XV—XVI вв. одновременно, а иногда в прямой связи с назначением уполномоченных, корейский двор начинает формировать прямыми указами вана временные ведомства для выполнения конкретных задач, к которым постепенно перетекали полномочия от регулярных учреждений центрального аппарата и провинциальной администрации. Наиболее известным примером такой практики может служить Ведомство окраинных земель, постепенно превратившееся в ключевой орган государственного управления⁴⁵. Эта тема выходит за рамки настоящего исследования, но её следует отметить как ещё одно проявление тенденции сосредоточения власти в руках группы приближённых ко двору чиновников.

В целом данные источников позволяют говорить о том, что уже к середине XV в. институт уполномоченных сформировался как один из важных структурных элементов политической власти средневековой Кореи. Постепенное смещение к ним управленческих полномочий в административно-надзорной, инфраструктурной, экономической, судебной и военной сферах было одной из важных тенденций развития внутривластной жизни средневековой Кореи. Усиление аппаратного веса уполномоченных использовалось в качестве рычага, позволявшего монархам и их ближайшему окружению решать масштабные государственные задачи и более эффективно контролировать провинцию. Помимо общих соображений административной целесообразности, важность этого института была обусловлена необходимостью купировать центробежные тенденции в среде провинциальной элиты, которые в различных проявлениях и масштабах имели место на протяжении всей средневековой истории страны. Ещё одним мотивом для задействия уполномоченных, вполне вероятно, была потребность вана в получении объективного и откровенного доклада по вопросам стратегического значения, на который региональные чиновники могли быть неспособны по корыстным соображениям или из опасения за свою карьеру. Наконец, представляется возможным предположить, что набор материальных благ и социальных возможностей, прилагавшийся к должностям этой системы, превращал её и в форму дополнительного поощрения и один из источников «кормления» для влиятельных кланов. Основания для такого предположения даёт как характер звучавшей в бюрократической среде критики, чаще всего касавшейся материального обременения местного населения и государственных расходов на командировки, так и настойчивая готовность наиболее влиятельных сановников со значительными группами приближённых ради таких поездок регулярно оставлять столицу.

Показательным примером для понимания особенностей системы уполномоченных может служить деятельность Хан Мёнхве, который своей долгой службой сделал немало для укрепления этого института власти, одновременно используя его для реализации личных устремлений. Закат влияния сановника начался с 80-х годов XV в., что могло быть связано не только с достижением весьма почтенного возраста. По мере того как выросл ван Сонджон, вокруг него формировался собственный круг приближённых, и монарх всё более тяготился опекой чиновников, приведших к власти его деда. Постепенно группировка, управляв-

шая страной более 30 лет, была отстранена от власти. Не удалось избежать этой участи и Хан Мёнхве, в 1485 г. он был лишен всех постов (формальным предлогом стала встреча и беседа без свидетелей с китайском послом). Однако система должностей, укрепленная Хан Мёнхве и его соратниками, была взята на вооружение сменившими их приближенными к Сонджону кланами и использовалась ими не менее охотно. Именно в правление этого вана, в 1491 г. (через четыре года после смерти Хан Мёнхве), она, хотя бы частично, была кодифицирована в обновленном своде законов — Дополненных записях к великому уложению. По решению Сонджона в них был зафиксирован установленный обычаем ранговый порядок для пяти самых значимых должностей уполномоченных⁴⁶, закрепляя, наконец, формальный статус следующих поколений сановников, которые ещё многие годы будут отправляться в поездки по каменистым дорогам, окруженные свитой из искушенных в ремесле доклада помощников, суровой конной охраны и предупредительных слуг.

Библиографический список

Ёкчу Кёнгук тэджон. [Великое уложение по управлению государством. Комментированный перевод]. В 4 томах. Сеул: Чонсин мунхва ёнгвон [Институт изучения духовной культуры]. 1985—1986.

История Кореи (с древнейших времен до наших дней). В 2 т. М.: Наука, 1974.

Им Сонбин. Чосон чхоги вебан сасин-е тэхан сирон [К вопросу о посланниках в провинции в ранний период Чосон] // Чосон сидэса хакпо. № 5. 1998.

Кан Джехун. Чосон чхоги чонсе чедо ёнгу: [Система поземельного налога в ранний период династии Чосон]. Сеул: Издательство Университета Корё, 2002. 368 с.

Кёнгук тэджон. [Великое уложение по управлению государством]. URL: https://db.history.go.kr/law/item/level.do?levelId=jlaw_1 (дата обращения: 27.08.2022).

Ким Суннам. Чосон чхоги чхечхальса ёнгу [Чхечхальса в ранний период Чосон]. Сеул: Кёнин Мунхваса, 2007. 281 с.

Корёса: [История Корё]. URL: <https://db.history.go.kr/KOREA/item/level.do?itemId=kr> (дата обращения: 27.08.2022).

Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. 680 с.

Кым Джантхэ. Югё-ый сасан-гва ыйре: [Идеология и ритуал в конфуцианстве]. Сеул: Емун совон, 2000. 296 с.

Ли Сонму. Чосон чхоги янбан ёнгу: [Система янбан в ранний период династии Чосон]. Сеул: Ильчогак, 1990. 423 с.

Ли Сунсин. Военный дневник / вступит, статья, пер. с ханмуна, коммент. и прил. О.С. Пироженко. М.: Наука Вост. лит., 2013. 375 с.

Мин Хёнгу. Хангук чунсеса санчхэк: [Корея в средние века: историческая прогулка]. Сеул: Ильчиса, 2005. 214 с.

Мунджон силлок: [Истинные записи (правления) Мунджона] // Чосон ванджо силлок: [Истинные записи (правления) династии Чосон]. URL: <https://sillok.history.go.kr/search/inspection/ItemList.do> (дата обращения: 27.08.2022).

Пак Чонджин. Корё сиги кесугван-ый кинын-гва висан; [Функции и статус кесугванов в эпоху Корё] // Ёкса-ва хёнсыл [История и действительность]. 2005. № 56.

Седжо силлок: [Истинные записи (правления) Седжо] // Чосон ванджо силлок: [Истинные записи (правления) династии Чосон]. URL: <https://sillok.history.go.kr/search/inspectionMonthList.do> (дата обращения: 27.08.2022).

Седжон силлок: [Истинные записи (правления) Седжона] // Чосон ванджо силлок: [Истинные записи (правления) династии Чосон]. URL: <https://sillok.history.go.kr/search/inspectionMonthList.do> (дата обращения: 27.08.2022).

Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. 640 с.

Сонджон силлок: [Истинные записи (правления) Сонджона] // Чосон ванджо силлок: [Истинные записи (правления) династии Чосон]. URL: <https://sillok.history.go.kr/search/inspectionMonthList.do> (дата обращения: 27.08.2022).

Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. В 2 т. Т. 1. М.: Наталис, 2011. 533с.

Тхэджо силлок: [Истинные записи (правления) Тхэджо] // Чосон ванджо силлок: [Истинные записи (правления) династии Чосон]. URL: <https://sillok.history.go.kr/search/inspectionMonthList.do> (дата обращения: 27.08.2022).

Тхэджон силлок: [Истинные записи (правления) Тхэджона] // Чосон ванджо силлок: [Истинные записи (правления) династии Чосон]. URL: <https://sillok.history.go.kr/search/inspectionMonthList.do> (дата обращения: 27.08.2022).

Тэджон Соннок [Дополнительные записи к великому уложению]. URL: https://db.history.go.kr/law/item/level.do?levelId=jlawb_010 (дата обращения: 27.08.2022).

Хан Хёнджу. Чосон чхоги чере ёнгу: [Система поминальных обрядов в ранний период династии Чосон]. Сеул: Ильчогак, 2002. 267 с.

Чхве Сынхи. Чосон чхоги чончхиса ёнгу: [Политическая история раннего периода династии Чосон]. Сеул: Чисик санопса, 2002. 510 с.

Юн Гугиль. Синпхён кёнгук тэджон [Великое уложение по управлению государством. Новое издание]. Сеул: Синсовон, 2005. 562 с.

Chongko Choi. (2007) Law and Justice in Korea South and North. Seoul: Seoul National Univ. Press. 533 p.

Chun Shin-Young gen. editor. (1975) Legal System of Korea. Seoul: International Cultural Foundation. 387 p.

John B. Duncan. (1984) The Origins of the Joseon Dynasty. Seattle and London: Univ. of Washington Press. 654 p.

References

Choe Seunghui. Joseon chogi jeongchisa yeongu: [Political history in early Joseon period]. Seoul: Jisik Saneopsa, 2002. 510 p.

Chongko Choi. (2007) Law and Justice in Korea South and North. Seoul: Seoul National Univ. Press. 533 p.

Joseon Wangjo Sillok: [The annals of the Joseon dynasty].

Chun Shin-Young gen. editor. (1975) Legal System of Korea. Seoul: International Cultural Foundation. 387 p.

John B. Duncan. (1984) The Origins of the Joseon Dynasty. Seattle and London: Univ. of Washington Press. 654 p.

Goryosa: [History of Koryo]. URL: <https://db.history.go.kr/KOREA/item/level.do?itemId=kr> (accessed: 27.08.2022).

Gyeonggukdaejeon. [The Great Code of Government]. URL: https://db.history.go.kr/law/item/level.do?levelId=jlaw_1 (accessed: 27.08.2022).

Han Hyeongju. Joseon chogiui jerye yeongu: [Ancestral ritual system in early Joseon period]. Seoul: Iljogak, 2002. 267 p.

History of Korea (from ancient times to present day) in 2 volumes. Moscow: Science, 1974.

Kang Jehun. Joseon chogi jeonse jedo yeongu: [Land tax system in early Joseon period]. Seoul: Koryo University, 2002. 368 p.

Keum Jangtae. Yugyoui sasanggwa uirye: [Ideology and ritual in Confucianism]. Seoul: Yemun seowon, 2000. 296 p.

Kim Soon Nam. Joseon chogi che-chal-sa yeongu: [The Study of Che-chal-sa during the early Joseon dynasty]. Seoul: Gyeongin Munhwasa, 2007. 281 p.

Kurbanov S.O. History of Korea: ancient times to beginning of XXI century. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University press, 2009. 680 p.

Lee Seongmu. Joseon chogi yangban yeongu: [Yangban system in early Joseon period]. Seoul: Iljogak, 1990. 423 p.

Munjong Sillok: [The annals of Munjong] // Joseon Wangjo Sillok: [The annals of the Joseon dynasty]. URL: <https://sillok.history.go.kr/search/inspectionMonthList.do> (accessed: 27.08.2022).

Pak Jeongjin. Goryeosigiui gyesugwanui gineunggwawising. [Function and status of gyesugwan in Koryo period]. // Yeoksawa hyeonsil [History and modernity]. 2005. № 56.

Sejo Sillok: [The annals of Sejo] // Joseon Wangjo Sillok: [The annals of the Joseon dynasty]. URL: <https://sillok.history.go.kr/search/inspectionMonthList.do> (accessed: 27.08.2022).

Seongjong Sillok: [The annals of Seongjong] // Joseon Wangjo Sillok: [The annals of the Joseon dynasty]. URL: <https://sillok.history.go.kr/search/inspectionMonthList.do> (accessed: 27.08.2022).

T.M.Simbirtseva. The rulers of old Korea. Moscow. Russian State University of Humanities, 2012. 640 p.

Taejo Sillok: [The annals of Taejo] // Joseon Wangjo Sillok: [The annals of the Joseon dynasty]. URL: <https://sillok.history.go.kr/search/inspectionMonthList.do> (accessed: 27.08.2022).

Taejong Sillok: [The annals of Taejong] // Joseon Wangjo Sillok: [The annals of the Joseon dynasty]. URL: <https://sillok.history.go.kr/search/inspectionMonthList.do> (accessed: 27.08.2022).

V.M.Tikhonov, Kang Man'gil. History of Korea in two volumes. Moscow. Natalis, 2011. Vol. 1. 533 p.

Yeokju gyeonggukdaejeon. [The Great Code of Government. Commented translation] in 4 volumes. Seoul: Jeongsin munhwa yeonguwon [Institute of spiritual culture]. 1985—1986.

Min Hyeonggu. Hanguk jungsega sanchaek: [Travel to medieval Korea]. Seoul: Iljisa, 2005. 214 p.

Yi Sun-sin. War diary [commented translation by O.Pirozhenko] Moscow. Nauka. 2013. 375 p.

Yim Seonbin. Joseon chogi oebangsasin'e daehan siron [On provincial envoys on the early Joseon era]. Joseon sidaesa hakpo. 5, 1998.

Yun Gugil. Sinpyeon gyeonggukdaejeon gyeonggukdaejeon. [The Great Code of Government. New edition]. Seoul: Sinseowon, 2005. 262 p.

Примечания

¹ Наиболее полная и в то же время изложенная в лёгкой для восприятия массового читателя форме характеристика системы управления государства Чосон содержится в подготовленном под редакцией Ю.В. Ванина двухтомном учебнике 1974 г. [История Кореи. 1974, с. 171—176]. См. также: [Курбанов. 2009, 138—142] и [Тихонов. 2011, 316—322].

² См. например, регулярную переписку и согласование действий в сфере военного и гражданского управления с уполномоченными командующими различных рангов в мемуарах известного флотоводца Ли Сунсина в период Имджинской войны [Ли Сунсин, 2013, с. 72—73, 77, 104, 110—112, 165].

³ В южнокорейской историографии имеется ряд работ, посвящённых этой теме. В большинстве случаев авторы уделяют внимание становлению, развитию и функционалу какого-либо одного поста, см. например [Пак Чонджин]. Попытка обобщённого анализа ряда таких должностей в качестве фундамента для углублённого изучения истории должности уполномоченного наместника (кор. *чхечхальса*, 體察使) была не без успеха предпринята исследовательницей Ким Суннам [Ким Суннам].

⁴ Подробнее см. [Ли Сонму. 1990, с. 73—157].

⁵ Подробнее см. [John B. Duncan. 1984, p. 155—236].

⁶ Формальное представительство и защита интересов класса чиновников-землевладельцев, идеологически оформляемое как забота о соблюдении норм конфуцианской этики в государственном управлении, осуществлялись через систему Трёх канцелярий (кор. *Самса*, 三司). В нее входили Канцелярия официальных предостережений (кор. *Саганвон*, 司諫院) и Управление надзора за соблюдением законов (кор. *Сахонбу*, 司憲府), контрольно-ревизорские учреждения, на рассмотрение и одобрение которых поступали указы вана, а также Управление просвещения и литературы (кор. *Хонмунгван*, 弘文館), являвшееся совещательным органом. Чиновники Трёх канцелярий, на практике, разумеется, далеко не всегда независимые от воли верховного правителя, тем не менее, имели личный доступ к монарху и пользовались значительным формальным и неформальным влиянием. [Мин Хёнгу. 2005, с. 185].

⁷ См. например, раздел «Доносы о злоупотреблениях» (кит. 陳弊) т. 3 «Великого уложения по управлению государством»: «Уполномоченным, направляемым в провинции, если узнают о зле, причиняемом народу, по возвращении докладывать о том Государю». В оригинале «出使復命者如聞民弊啓達» встречаем подчеркнутый автором иероглиф «са» (кит. 使), которым обозначены чиновники в различных должностях, но неизменного высокого ранга, направляемые в провинцию (кит. 出使) и по возвращении представляющие доклад монарху (кит. 復命...啓達). Такую же трактовку, даже с упоминанием ряда возможных должностей в примечаниях (например *сунмуса*, кит. 巡撫使), встречаем в двух основных переводах «Великого уложения» на современный корейский язык: южнокорейском коллективном труде Института изучения духовной культуры [Ёкчу Кёнгук тэджон, с. 426] и северокорейском в переводе Юн Гугиля [Юн Гугиль. 2005, с. 242].

⁸ Автор в полной мере осознает неизбежную условность непротиворечивого перевода того или иного китайского иероглифа или термина, к тому же используемого на корейском историческом материале. Некоторые соображения, касающиеся неоднозначности увязки перевода иероглифа «са» с термином «уполномоченный» предполагается более подробно рассмотреть в последующих публикациях.

⁹ В крупные региональные центры (кор. *чухён*, 州縣), которым были подчинены более мелкие уезды, направлялись чиновники в должности *кесугвана* (界首官). На держателей этих должностей, возглавляющих одноименные административные подразделения, возлагались функции представителей столицы в регионах и связующего звена между монархом, с одной стороны, и местными элитами — с другой. В обязанности *кесугванов* входило отправление жертвенных ритуалов, в столице выполняемых ваном, встреча и сопровождение кортежей монарха при его путешествии по провинциям, организация отправки официальной документации и податей, сопровождение иностранных послов, контроль мер и весов, иносрание земледелия, судебные функции. Подробнее см. [Пак Чонджин, 2005].

¹⁰ Здесь и далее датировка записей для облегчения поиска по ссылкам на электронные ресурсы приводится по корейской системе указания: «год.месяц.день».

¹¹ 1—3 ранги, соответствующие должностям руководителей Государственного совета (кор. *Бйджонбу*, 議政府), председателей Шести отраслевых палат-министерств (кор. *Юкчо*, 六曹), или руководителей ряда иных значимых в бюрократической иерархии ведомств.

¹² Здесь и далее статистика командировок уполномоченных приводится по результатам использования функции тематического поиска в опубликованных в интернете летописей *Чосон ванджю силлок* по распространенным наименованиям должностей.

¹³ В первое десятилетие (1418—1428) правления Седжона упоминания о командировании уполномоченных чиновников министерского ранга отсутствуют, за исключением одного особого случая — похода на Цусиму для разгрома пиратских баз в 1418 г. (1-й г. правления), для руководства которым был назначен Уполномоченный командующий войсками трёх провинций.

¹⁴ Определено более тяжкое, по сравнению с обычным, наказание за ложное обвинение в отношении губернаторов [*Седжон силлок*, 02.09.13]. Де-факто установлен порядок, при котором ни нижестоящие чиновники, ни престолоудины не могли обвинить главу провинции в преступлении за исключением случаев угрозы государственной безопасности. Шести палатам было запрещено «беспокоить» губернаторов по поводу незначительных нарушений. Реформирован порядок назначения замены губернаторов, повышающий привлекательность этой позиции для представителей верхнего эшелона корейской бюрократии: губернаторы во всех провинциях получили право по совместительству занимать должности в столичном аппарате [*Седжон силлок*, 08.07.17].

¹⁵ См. например: «В павильоне Кёнхиру организован пир по случаю отбытия *тоанмучхаллиса* (都安撫察理使) Чхве Юндок с помощниками и военными чиновниками... Юндок отправился в сопровождении более чем 40 военных, помощников и переводчиков» [*Седжон силлок*, 15.06.22].

¹⁶ Подробнее см.: [Чхве Сынхи. 2002. С. 273—284].

¹⁷ Седжо, второй сын вана Седжона, боролся с концентрацией властных полномочий в руках конфуцианской элиты, в основном выдвинувшейся в правление его отца и прошедшей через службу в академии изучения конфуцианской классики *Чипхёнджон*, игравшей в том числе роль совещательного органа при монархе [Тихонов, с. 298—299]. После того, как противоречия вылились в вооруженное противостояние, около 70 представителей этой группы было казнено, академия *Чипхёнджон* ликвидирована, а лекции по классике, посредством которых до вана в предыдущие царствования могли доводиться соображения о настроениях широких слоёв чиновничества, отменены. Отстранённые от власти и какого-либо влияния в центре, многие представители служилого землевладельческого сословия стремились к воспитанию учеников и укреплению позиций на местах. Итогом противостояния стал раскол между столичным режимом и конфуцианской элитой в провинции, а также ряд мощных ударов центра по традиции землевладения и личной власти чиновников над крестьянами. В частности, в 1466 г. отменен закон о ранговых наделах, после чего чиновникам выделялся лишь должностной надел, который они обязаны были вернуть в казну с выходом в отставку [Тихонов, с. 298—299].

¹⁸ «Хан Мёнхвэ». Телеканал KBS2, 1994 г., режиссёр Ким Джехён, автор сценария Син Бонсун, главную роль сыграл Ли Докхва.

¹⁹ [*Седжо силлок*, 02.08.14].

²⁰ [*Седжо силлок*, 03.05.26].

²¹ [*Седжо силлок*, 04.02 високосный.18].

²² [*Седжо силлок*, 04.06.19].

²³ [*Седжо силлок*, 05.01.03].

²⁴ [*Седжо силлок*, 05.11.07].

²⁵ [*Седжо силлок*, 05.01.30].

²⁶ [*Седжо силлок*, 06.02.02].

²⁷ [*Седжо силлок*, 06.08.14].

²⁸ [*Седжо силлок*, 06.12.07].

²⁹ [*Седжо силлок*, 07.06.10].

³⁰ [*Седжо силлок*, 07.11.27].

³¹ [*Седжо силлок*, 08.01.16].

³² [*Седжо силлок*, 08.04.16].

³³ [*Седжо силлок*, 08.07.09].

³⁴ [*Седжо силлок*, 09.03.05].

³⁵ [Седжо силлок, 09.07 високосный.28].

³⁶ [Седжо силлок, 10.06.24].

³⁷ [Седжо силлок, 10.08.17].

³⁸ [Седжо силлок, 10.10.11].

³⁹ [Седжо силлок, 11.05.29].

⁴⁰ [Седжо силлок, 11.09.04].

⁴¹ [Седжо силлок, 11.12.12].

⁴² Через четыре года он без повышения в ранге будет переведён на должность командующего армией провинции Хамгиль, относящуюся к военной группе и стоящую ниже в чиновной иерархии. В следующем году при объезде подведомственных территорий будет убит в ходе мятежа Ли Сиэ, одним из требований которого, кстати, было назначение на руководящие посты в провинции выходцев из того же региона, а не направленных из столицы эмиссаров.

⁴³ Так, например, согласно записи, сделанной в 8-м месяце 7-го г. правления Седжо (1461) Хан Мёнхве отправляет помощника Ли Гыккю для доклада о результатах своей деятельности ко двору [Седжо силлок, 07.08.08]; в 8-й г. 2-й месяц, *чонсагван* Ким Сунён по приказу Хан Мёнхве был в столице и получил от вана указания, которые должен был передать уполномоченному [Седжо силлок, 08.02.26].

⁴⁴ См. например: «О состоянии плотин уездным начальникам ежегодно весной и осенью докладывать губернаторам, принимая меры к их ремонту. О сооружении новых плотин докладывать на Высочайшее имя» [Ёкчу Кёнгук тэджон, с. 151].

⁴⁵ Ведомство окраинных земель (кор. *Пибёнса*, 備邊司) — основано в 1510 г. ваном Чунджоном как временный чрезвычайный совет для организации отражения нападений на южном побережье страны и на границе с Маньчжурией. В функции *Пибёнса* входили также сбор и обработка информации о политическом и военном положении на границах.

В 1544 г. в правление вана Мёнджона ведомству был придан статус постоянно действующего совещательного органа. В состав ведомства входили руководители Государственного совета (*Бйджонбу*) и Шести отраслевых палат (*Юкчо*), а также чиновники 2-го ранга сопровождающего класса и выше, имевшие опыт службы в должности губернаторов, командующих флотилиями и армиями в провинциях Чолла, Кёнсан, Пхёнан. Во время Имджинской войны *Пибёнса* выполняло функции ставки верховного командования обороной страны. Поскольку отражение японской агрессии требовало концентрации всех сил народного хозяйства, в Ведомство окраинных земель переместился центр принятия решений не только в военной области, но и во внешнеполитической, торгово-экономической, логистической и прочих сферах [Ли Сунсин, 2013, с. 289—290].

⁴⁶ 1-й ранг основного класса — старший уполномоченный наместник (кор. *точхечхальса*, 都體察使); 1-й ранг сопровождающего класса — уполномоченный наместник (кор. *чхечхальса*, 體察使); 2-й ранг основного класса — старший уполномоченный командующий (кор. *тосунчхальса*, 都巡察使); 2-й ранг сопровождающего класса — уполномоченный командующий (кор. *сунчхальса*, 巡察使); 3 ранг — уполномоченный инспектор (кор. *чхаллиса*, 察理使) [Дополненные записи. Т 3. Законы по палате чинов. Должности. URL: https://db.history.go.kr/law/item/level.do?levelId=jlawb_010_0010_0010_0030].